

ны к лучшему сменяются тревогой, ощущением безнадежности и даже обречённости. Наиболее ярко это проявляется в опубликованном 28 сентября 1917 г. стихотворении «Про себя»: «И пенится, как в бочке брага, / Густая накипь чёрных дней. / И к дьяволу летит отвага, / И бодрость мчится вслед за ней. / И рвётся вон сквозь зубы жуткий, / Тоскливый, тихий скорбный стон...»

Характерная деталь: за эти четыре бурных

месяца в «Народном деле» появилось лишь одно лирическое стихотворение Чудакова – «Вечер в поле», своей тональностью и настроением совершенно выпадающее из контекста других его произведений данного периода.

Все включенные в подборку фельетоны и сатирические стихи подписаны псевдонимом *Амурец*, а лирическое стихотворение «Вечер в поле» – инициалами *Ф. Ч.*

Фёдор ЧУДАКОВ

ГУСТАЯ НАКИПЬ ЧЁРНЫХ ДНЕЙ

Из произведений 1917 года

Где они?

Все бывшие лиходеи,
Строя старого кремни,
Все Шпыняи, все Гамзеи [1]
Вдруг исчезли. Где они?
Поглядишь: повсюду чисто, –
Чисто так, как никогда.
Даже запах монархиста
Испарился без следа.
Был Гамзей, на всё готовый –
Трахнуть сзади кистенём,
За какой-нибудь целковый
Сделать наскоро погром, –
А теперь хоть в край из края
Обойди все города –
Нет Гамзея, нет Шпыня –
Испарились без следа.
Где они? Переродились?
Иль удрали на Цейлон?
Или в пав перерядились
Из дубровинских ворон? [2]
Нет Гамзеев! Но порою
Налетевший ветерок
Нанесёт густой струёю
Запах... этакий «душок».
Не со свалки ль? Нет, со шканцев
Корабля «республиканцев» [3]
Вдруг потянет, у-ух!
Крепкий дух!
Смотришь: розовый румянец,
Красный бантик на груди –
С тыла ль, с боку ль подойти –
Гражданин-республиканец!

Умилишься: «ишь, какой!
Рыцарь! Речь сейчас закатит
О республике – ой-ой».
Вдруг игривою волной
Море рыцаря окатит!..
И дивишься: ай-ай-ай!
Смыт с ланит его румянец!
Где ж герой республиканец?
Здравствуй, дяденька Шпыняй!

Народное дело. 1917. № 34. 28 мая. С. 3.

Про солидность

По словам гласного Ружицкого, наша городская дума в глазах капиталистов – «не солидна».

И слепому даже видно,
Коли в лупу поглядит,
Сколь на ощупь и на вид
Наша дума не солидна!
Взглянешь влево – целый ряд
«Пинжаков», косовороток,
Продырявленных подмёток –
Там товарищи сидят.
Поглядишь на них украдкой
С точки зренья векселька –
Свистнешь: «Публика мелка!
Легковата и тонка!
Тут не тыщей, а десяткой

Поопасишься рискнуть:
 Ухнут деньги сразу – фьють! –
 Электрическим рабочим
 Иль иным подобным прочим
 И получишь в дивиденд
 Кукиш с маслом, не процент!
 Правда, есть с десятков гласных,
 С этой точки безопасных,
 Пресолиднейших дельцов,
 Именитейших купцов,
 В думе ратующих жарко
 За купеческий карман:
 Например, Косицын Марка
 Иль Косицын же Степан,
 Иль, сказать, Ефим Платонов,
 Иль подобные ему,
 Все министры по уму!
 Прямо на сто миллионов
 Им поверить я готов!
 Или, скажем, Соколов!
 Всё народ солидный, с весом!
 Слон-народ, не мелкий стриж!
 Он купецким интересом
 Не поступится! Шалишь!
 Но одно весьма обидно:
 Мало их на креслах видно;
 Слишком густ передний ряд,
 Где товарищи сидят.
 Значит, дума не солидна!
 А поэтому – спеши!
 Капитал спасай! Ташши!

Народное дело. 1917. № 43. 9 июня. С. 3.

Один из «СОЛИДНЫХ»

У гласного С.П. Попова обнаруже-
 на 31 бутылка виноградного вина, 30
 бутылок рому и т. д. Полный преиску-
 рант см. во вчерашнем № «Народного
 дела» [4].

Вот один из тех «солидных»,
 Очень веских, очень видных,
 Столь приятных для купцов,
 Положительных «отцов»,
 О которых наша дума
 Каждый вторник вопиёт,
 Констатируя угрюмо
 В их шеренге недочёт.

Скоро, скоро будем снова
 Думу переизбирать!
 Предлагаю за Попова
 Бюллетени подавать!

Он доверья граждан стоит!
 Он у нас на всё горазд!
 Он и водочкой попоит
 И закуски ладной даст!

Если встретит он Ивана
 Иль Степана вечерком,
 Что домой из Сахалина [5]
 Возвращается ползком, –
 Он сейчас же в позу встанет,
 Скорбь в лице изобразит
 И словесным громом грянет,
 Устной молнией сразит:
 «Ах, меррзавец! Ах, пррройдоха!
 Нализался! Вот те на!
 Погляди, кругом всё плохо:
 И разруха, и война!
 Дни-то, дни-то ведь какие!
 Должен каждый сын России
 Хорошо себя вести
 И на фронт скорей идти!
 Из-за вас идёт Расея,
 Из-за пьяниц, к чёрту в пасть!
 Рррасказнить тебя, злодея;
 Милицейский! В часть!!»

И исполнив долг гражданский,
 Похрабрившись, словно шпанский
 Петушок, пойдёт бочком
 Наш Сергей Петрович в хатку,
 Чтоб немножечко с устатку
 «Подзаняться»... коньячком.

Народное дело. 1917. № 45. 11 июня. С. 3.

Посрамление сектантов

Мимо молитвенного дома бапти-
 стов проехали два священника; уви-
 дев вывеску на молитвенном доме,
 один из них с большим удовольстви-
 ем плюнул.

(Хроника)

На кобылке, на карей
 Ехал отче Макарий
 Со отцом, со Паисием купно.
 О делах толковали,
 О паденье морали,
 Выражаясь и сочно, и крупно.
 Мирно бричка катилась...
 Вдруг несчастье случилось.
 (Бес не дремлет по части соблазна!)
 «Тпру! – воскликнул Макарий, –
 Ах, ты, в рот те дикарий!

Можно ль этак шутить безобразно?
 Глянь-ка, отче, налево, —
 Да не там, вона, эва! —
 Вон, гляди, над баптистской молельней!
 Видишь — вывеска! Брате!
 Вот какие дела те!
 Не позор? Не сосуд ли скудельный? [6]
 Эка — вывеска! Разве
 Иноверческой язве
 Мы дадим посрамить нашу веру!!
 В бой, Паисий, скорее!
 Плюнь наотмашь, сильнее!
 Плюнь скорее! Вот этак, к примеру».
 Встал Макарий и прямо
 Через левое рамо [7]
 Плюнул густо, и сочно, и смачно.
 Пуля вдаль полетела
 По границе прицела
 И попала отменно удачно:
 Пули страшная сила
 Воробья поразила,
 Что на крыше чирикал преступно.
 И поехал Макарий
 На кобылке, на карей
 Вновь со отцем, со Паисием купно.

Народное дело. 1917. № 48. 15 июня. С. 3.

Томление

Сижу и в раздумье кусаю перо
 (Сказать откровенно — невкусная штука!)
 Кого бы ужалить ехидно-остро?
 Эй, муза! Старайся! Придумай-ка! Ну-ка!
 «Амурскому флоту» задать ли щелчка,
 Купцов ли «продёрнуть» иль буйных испанцев?
 Иль, может быть, снова республиканцев [8]
 Пощупать пером шаловливым бока?
 А, ну их! Обидится вновь Стратилковский [9],
 И будет угрюмо и хмуро ворчать...
 Иль новому строю «ура» прокричать?
 Иль вспомнить, сколь тягостен был
 Кульвановский [10]?
 А ну его! Что-то какая-то лень.
 Так хочется спать. Одолела зевота.
 Писать не-о-хо-та!
 Какой-то томительный тягостный день.
 Томление... Где же зарыта собака?
 Эй, муза, чего ты зеваешь, однако?
 А-а! Понял! Не хочешь, голубушка, ты,
 Писать фельетоны без твёрдого знака,
 Без і, и без ять, и фиты! [11]
 Привыкнешь! Не слушайся только смутьянов!
 Напишешь, коль ежель придёт аппетит!

Ведь, чать, непривычен Никола Романов
 Сидеть под арестом, а смотришь — сидит!

Амурец // Народное дело. 1917. № 59. 28 июня. С. 3.

Неопределённое положение

После объявленной на прошлой неделе
 монархии в Китае вновь объявлена респу-
 блика. Положение в Сахалине неопреде-
 лённое.

(Из газет)

Приготовившись заранее
 Поскандалить на рогатке [12],
 Пётр Иванович в Сахалине
 Пьёт и ест во все лопатки.
 Из бутылей разных рангов
 Сыплет в рот, как просо в ясли,
 Пожираючи трепангов
 И червей в бобовом масле.
 «За республику!» — бормочет
 Он, глотая влагу рьяно,
 И вторую выпить хочет
 За супругу богдыхана.
 «Ибо, — мыслит, — положенье
 Ныне нео-преде-лённо.
 Нынче так, а в воскресенье
 Будут ползать вновь у трона.
 То ли дело там, в России!
 Мрак навек рассеян тяжкий!
 Уж теперь не склоним выи
 Перед первой каталажкой!
 Сняли там всю кустодию [13]
 Без хлопот, без шуму-крику.
 В этом разе за Россию
 Дёрнем малую толику!»
 Как в тумане для бедняжки
 Миновало воскресенье,
 И настало пробужденье —
 В участковой каталажке.
 Испускаючи кряхтенье,
 Мыслит бедный полусонно:
 «И в России положенье
 Не вполне определённо!!»

Народное дело. 1917. № 62. 2 июля. С. 3.

Равнение налево!

Бывший обер-прокурор Синода [14]
 объявил себя социалистом.

Из газет)

Видит; экая напасть!
 Во грехах живёт Россия!
 Как ни бейся, не попасть
 Ни в пророки, ни в святые.

Долго шарил в книгах князь,
Что глаголят канонисты? [15] –
И махнул, перекрестясь,
Прямым в социалисты.
Хоть на оных благодать
Не почиет, но не важно:
Пропадать, так пропадать,
С треском, смело и отважно!
На сегодня он эсер,
А назавтра – целый Ленин!
Для амурцев сей пример
Поучителен и ценен:
Подождём недельки две,
Глядь, Косицын иль Буянов [16],
Стукнув дланью по главе,
Выпьет чаю пять стаканов,
Лоб платочком освежит
И промолвит: «Ну, ребята,
Кто итти со мной хочет
В социалы-демократы?»

Народное дело. 1917. № 89. 3 августа. С. 3.

Беседа с «союзником»

Ван Шан-ди был компаньоном
Содержателя киоска.
подавая мне с поклоном:
«Сама лучше папироска», –
Он коварно улыбался,
Утирая нос халатом,
И в беседе оказался
Очень тонким дипломатом.
На вопрос: что с вами стало?
Объявить войну дерзнули? [17] –
Отвечал он: «Мало-мало
Наша хочь давай пилюли.
Наша – ваша оба братка,
Ваша – наша – игаяна [18].
Ваша наша – на рогатка,
Наша ваша – Сахаляна [19].
Шибко вам давай по шее,
Шибко ваша отступайся,
Наша хочю сыкорее
Мало-мало заступайся.
Хо? Пухо? Путунда? Шима?
Ничево! Машинка нету!» [20]
И проворнее налима
Сунул в ящичек монету.
Был растроган я до пяток,
Умягчился паче воска
И купил ещё десяток
«Сама лучши папироска».
Шёл домой, вкушая громы
Нашей будущей удачи,

Обнаружив только дома,
Что союзник не дал сдачи.

Народное дело. 1917. № 94. 9 августа. С. 3.

Из уличных разговоров

– Рига пала! Пала Рига!
Под угрозой Петроград!
– А почём сейчас вязига?
– Мне от милки вышла фига!
– Рупь шишнадцать вся коврига?
Ты в уме? Окстися, брат!

– Немцы – в крепости Усть-Двинске!
Наши в панике бегут!
– Чёрта с два награтишь тут, –
То ли дело было в Минске!
– А сапожник – хам и плут, –
Поступил со мной по-свински:
Сапоги ужасно жмут!

В синем небе светит солнце,
А в душе – кромешный мрак...
– Мелочь спрятали японцы
И китайцы, так растак!

Народное дело. 1917. № 107. 24 августа. С. 3.

Забастовка

Караул! Протестую!
Коли этак и впредь
Жисть пойдёт – забастую,
Хоть сейчас умереть!
Жизнь сама «фельетонит»
Так, что только люли!
Наша братия стонет:
Жизнь скоренько нас стонит
С этой грешной земли.
Тут мудришь да гадаешь –
«Написать посмешней»;
Ручку злобно кусаешь,
Словно выгрызть желаешь
Полсатиры у ней.
Но, презрев эту муку,
Жизнь идёт чередой,
Глядь, и выкинет штуку,
Да такую, что – ой!
Караул! Протестую!
Коли этак и впредь
Всё пойдёт – забастую,
Хоть сейчас умереть.

Изломаю я лиру,
На дрова исщеплю
И хоть на день квартиру
Лирой я отоплю.
Полон скорби вселенской,
подавляючи стон,
Музу вещую в женский
Запишу батальон.
И татарам на мясо
Запродам я Пегаса.
Сам уйду в дезертиры
Иль на остров Цейлон...
Нет дохода от лиры –
Жизнь – сплошной «фельетон!»

Народное дело. 1917. № 107. 24 августа. С. 3.

Вечер в поле

За песчаным серым склоном
Рокот жнеек приумолк.
Заткан золотом червонным
Голубой небесный шёлк.

Мы уснём в колючих копнах...
Ночь осенняя долга.
Стадом чудищ допотопных
Вдалеке горят стога.

Птичьи крики нам пророчат
Завтра вёдро, зной и тишь.
За спиной колосья точит
Полевая крошка-мышь.

Отдых наш спокоен будет...
Выпь заухала в пруду...
...Рокот жнеек нас разбудит
Завтра к новому труду.

Народное дело. 1917. № 109. 27 августа. С. 2.

Тараканья скорбь

Жил за печкой таракан [21],
Чёрный да усатый,
Как амурский молокан [22],
Рослый да пузатый.
Жил, плевал на белый свет,
Кейфовал, как турок,
Не выписывал газет,
Не читал брошюрок.
Жил он в холе да тепле,
Не сходя на землю:

Дескать, мир погряз во зле,
Мира – не приемлю.
Деткам, теще и жене
Заповедал строго
Чтить лишь брюхо, чтить вполне,
Как царя и Бога.
И пока кряхтел усач
В дымной, душной щели –
За порогом бурно, вскачь
Месяцы летели.
Шквал народный бушевал,
Рушились «устои»,
А усач на всё плевал
И махал ногою.
Время шло, а таракан
Пил, и кушал вволю,
И «пригубливал» стакан,
Полный алкоголю.
Вдруг и грянул сверху гром
(Сверху, значит – с неба!);
На пятнадцать вёрст кругом
Вдруг не стало хлеба.
Хлебец стали выдавать
Скупое, как сметану.
Надо в очередь вставать,
Видно, таракану.
В первый день и так и сяк
Всё-таки крепился.
На четвёртый день, бедняк,
Гневом разразился.
«Это что же? Это что ж?
Съешь вас лихорадка!»
Раскричался, клясть пошёл.
Всех чуть-чуть не слопал.
Тут Кондратий подошёл
И его прихлопнул.

Народное дело. 1917. № 118. 8 сентября. С. 3.

Про себя

С утра – и бодр, и полн отваги,
Поёшь и лезешь на рожон,
Разрежешь свежий лист бумаги
И сверху пишешь: «фельетон».
И нежно пламя вдохновенья
Коснётся вдруг сердечных струн,
Но – оторвёшься на мгновенье,
В газету глянешь и в волненье
Отяжелеешь, как чугунок.
И зарябят, подобно ленте
Иллюзионной: Каледин,
Война, события в Ташкенте,
Царицын, Выборг, «хмурый финн»,

Угроза дикой забастовки,
 Канун ужасной голодовки,
 Развал, расстрел и вновь Ташкент...
 Великолепные обновки!
 Прекраснейший ассортимент!..
 И пенится, как в бочке брага,
 Густая накипь чёрных дней.
 И к дьяволу летит отвага,
 И бодрость мчится вслед за ней.
 И рвётся вон сквозь зубы жуткий,
 Тоскливый, тихий скорбный стон,
 И режет взгляд нелепой шуткой
 Смешная надпись: «фельетон».

Народное дело. 1917. № 133. 28 сентября. С. 3.

Новый университет

Клинцовский волостной комитет возвёл
 ротного фельдшера Горылёва в звание врача.

(Русские ведомости)

Почесали мало-мало
 В «чердаках» бородачи
 И возводят коновала
 Во врачи!

Жизнь теперь несётся быстро...
 Глядь, чрез несколько недель
 Будет в степени магистра
 Рыжий старостин кобель!

Народное дело. 1917. № 135. 30 сентября. С. 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Все Шпыняи, все Гамзеи...* – Гамзей, Шпыняй – активно использовавшиеся в публицистике предреволюционного десятилетия нарицательные имена, язвительные клички черносотенцев. Так, например, Фома Опискин (псевдоним А. Аверченко) в фельетоне под заглавием «Вехи» (язвительный отклик на знаменитый одноимённый коллективный сборник) использует первое из этих прозвищ. В фельетоне домой к автору «Вех» П.Б. Струве является со словами благодарности один из лидеров Союза русского народа Дубровин и перед уходом объявляет Петру Бернгардовичу: «Обещал к вам дядя Шпыняй зайти. “Кланяйся, говорит, и скажи, что буду. Лично, говорит, познакомиться и ручку пожать лестно”. Хе-хе» (Сатирикон. 1909. № 21. 23 мая (5 июня). С. 3). Прозвище Шпыняй образовано от слова шпынять (простор.) – попрекать, издеваться над кем-нибудь; толкать, тыкать. Второе из названных прозвищ тоже соотносили с П.Б. Струве, намекая на его печатные реверансы «патриотизму» и «патриотам». Ему, например, посвятил свой издевательский фельетон «Пётр Бернгардович и Гамзей Гамзеевич» критик В.В. Воровский. Кличкой гамзеи Чудаков наделяет черносотенцев и в написанном двумя годами ранее фельетоне «Накипь дня (Многоголовому гурту...)». Это прозвище – производное от слов гамзать, гамзеть, гамзить (диал., разг.) – говорить в нос, гнусавить, высказывать кому-либо претензии, недовольство. Гамзеи и Шпыняи фигурируют также в фельетонах «Баланс» (Эхо. 1914. Прибавление к № 1584. 19 апреля (2 мая). С. 2) и «Честные» (Эхо. 1914. Прибавление к № 1597. 4 (17) мая. С. 2).

2. *Из дубровинских ворон?..* – Имеются в виду сторонники Александра Ивановича Дубровина (1855–1921), русского политического деятеля крайне правого, черносотенного толка, одного из основателей и руководителей Союза русского народа; издателя и редактора националистической газеты «Русское знамя».

3. *Нет, со шканцев / Корабля «республиканцев».* – Намёк на то, что недавние черносотенцы-монархисты после Февраля «переобулись на ходу» – быстро переметнулись на сторону пришедшего на смену царской власти Временного правительства, стали презентовать себя как сторонники республики. Шканцы – помост либо часть верхней палубы в

кормовой части судна, где обычно находится капитан, а в его отсутствие – вахтенные или караульные офицеры.

4. *Полный прейскуронт см. во вчерашнем № «Народного дела».* – Заметка в газете, на которую ссылается фельетонист; гласит: «“Запасец”. 2 июня контрольной комиссией эсеров и эсдеков у купца Сергея Петровича Попова (гласный думы) в квартире обнаружено: 31 бутылка виноградного вина, 14 бутылок рому, 20 бутылок семнадцатилетнего коньяку, 35 бутылок шампанского, 1 четвертная бутылка спирту, 1 графин (1 бутылка) ликёру, 3 графина (каждый по 2 бутылке) ликёру, 1 бутылка настойки № 25, и в раскупоренном виде: 2 бутылки шампанского и 1 бутылка виноградного вина. Кроме того, найдено 211 пудов муки 2-го и 3-го сорта, 283 пуда овса. При осмотре присутствовала хозяйка квартиры, которая подписать протокол отказалась. Протокол передан мировому судье» (Народное дело. 1917. № 44. 10 июня. С. 3). Пикантность ситуации, на которую отозвался сатирик, состояла в том, что С.П. Попов был гласным городской думы Благовещенска, которая ввела в городе сухой закон и неоднократно осуждала тех, кто его нарушал. Сергей Петрович Попов – благовещенский купец 2-й гильдии, пароходчик.

5. *...домой из Сахалина / Возвращается ползком...* – Сахалин – прежнее, маньчжурское название современного Хэйхэ. Сатирик намекает на тех жителей Благовещенска, которые пристрастие к алкоголю удовлетворяли, совершая поездки на другой, китайский берег Амура, где сухого закона не вводилось, а спиртное было дешёвым.

6. *Не сосуд ли скудельный?* – Сосуд скудельный (устар.) – слабое, недолговечное, брэнное существо (обычно о человеке). От старинного названия глиняного сосуда – «скудель».

7. *Через левое рамо / Плюнул...* – Рамо (устар.) – плечо.

8. *Иль, может быть, снова республиканцев / Поцупать пером шаловливым бока?* – Имеется в виду так называемый Союз амурских республиканцев – близкая к кадетам политическая группа, защищавшая интересы местной буржуазии. В «Народном деле» была напечатана целая серия фельетонов Амурца об этой региональной партии: «Где они?», «Гуртом», «Пир “республиканцев”», «Томление», «Баллада про “республиканцев”», «Республиканские (без кавычек) вирши. Размышления на лоне природы» и др.

9. *Обидится вновь Стратилловский...* – С. Стратилловский – один из авторов «Амурского эха», ставшего в марте 1917 г. печатным органом Союза амурских республиканцев, в будущем автор статьи о подавлении так называемого Гамовского мятежа – «Годовщина благовещенских боёв».

10. *Иль вспомнить, сколь тягостен был Кульвановский?* – Николай Дмитриевич Кульвановский – инспектор народных училищ Амурской области в 1915–1917 гг.

11. *Писать фельетоны без твёрдого знака, / Без і, и без ять, и фиты!* – Речь о буквах алфавита, упразднённых реформой 1917–1918 годов.

Ер (Ъ, ъ) – 28-я буква русского алфавита, так называемый «твёрдый знак»; до реформы 1917–1918 гг. была 27-й по счёту и называлась «ерь». Примерно до середины XII в. обозначала сверхкраткий (редуцированный) гласный звук заднего ряда среднего подъёма.

І, і – буква расширенной кириллицы, существовавшая и в русской письменности до орфографической реформы 1917–1918 гг. (заменена на И, и). До реформы буква І, і в русском языке употреблялась перед гласными и перед й (*исторія, русскій, Иерусалимъ*); в слове *міръ* в значении «Вселенная», «общество» для отличия от слова *миръ* в значении «спокойствие». Исключение в дореформенном правописании составляли сложные слова, в которых первая часть оканчивалась на *и*, например, *пятиугольникъ*. В начале слов и между гласными буква *і* иногда произносилась как согласный [й]: *іодъ, маіоръ* (как и в современных словах, начинающихся на и перед гласным).

Ять (Ѣ, ѣ) – буква исторической кириллицы и глаголицы, ныне употребляемая только в церковнославянском языке.

Фита (Ѳ) – буква в старом русском алфавите, обозначавшая тот же звук, что и буква «ф», но употреблявшаяся в словах греческого происхождения (*Федот, Фома, фимиам* и т.д.); упразднена реформой орфографии 1917–1918 гг., то есть спустя три года после публикации фельетона.

12. *Приготовившись заране / Поскандалить на рогатке...* – Рогатка в данном контексте – таможенный, пограничный пост.

13. *Сняли там всю кустодию / Без хлопот, без шуму-крику...* – Кустодия (устар.) – стража, караул. В данном контексте имеется в виду царская охранка, распущенная во время Февральской революции.

14. *Бывший обер-прокурор Синода...* – Имеется в виду Николай Павлович Раев (1856–1919), последний обер-прокурор Святейшего Синода в Российской империи (с 30 августа 1916 г. – до падения монархии в марте 1917 г.). Выведен также Чудаковым в фельетоне «Тщетно голову ломаю...» (Амурское эхо. 1916. № 538. 16 (29) декабря. С. 3).

15. *Что глаголят канонисты?* – Канонист – знаток церковного права, составитель и комментатор положений канонического права, то есть законов христианской церкви.

16. *Глядь, Косицын иль Буянов...* – Упомянутый в фельетоне Косицын – кто-то из гласных городской думы, представителей нескольких многочисленных династий купцов-молокан Благовещенска, выведенных в скандально известном коллективном романе «Амурские волки» (1912) под фамилией Покосовы. Второй упомянутый фельетонистом персонаж – Владимир Евтеевич Буянов (1868–?), молоканин, гласный Благовещенской городской думы (1902–1906, 1910–1915), купец 1-й гильдии (1911–1914), участник и распорядитель мукомольного т-ва «Братья Буяновы». В.Е. Буянов был вла-

дельцем нескольких земельных участков, мельницы, пароходов «Благовещенск», «Мельник», «Нерчуган» и пяти барж. Член Благовещенского биржевого общества; член арбитражной комиссии и председатель котировальной комиссии биржевого комитета. Персонаж предельно язвительного фельетона «Чемпион» (Эхо. 1913. № 1426. 25 сентября (8 октября). С. 3). Упоминается также в фельетоне «Слово о зерне» (Амурское эхо. 1916. № 455).

17. *...что с вами стало? Объявить войну дерзнули?* – Речь о формальном дипломатическом решении Китайской республики летом 1917 года выступить в поддержку России, всё ещё участвующей в Первой мировой войне.

18. *Ваша – наша – игаяна...* – Игаян (русско-китайский пиджин начала XX века) – одинаковый, похожий, брат (братка).

19. *Ваша наша – на рогатка, / Наша ваша – Сахаляна.* – Примерный смысл сказанного персонажем заключается в следующем: у нас много общего, мы соседи, нас разделяет лишь таможенный, пограничный пост (рогатка), мы рады видеть вас на правом берегу Амура в нашем Сахаляне.

20. *Хо? Пухо? Путунда? Шима? / Ничево! Машинка нету!* – Персонаж фельетона использует слова и выражения из русско-китайского пиджина начала XX века. Вначале в форме вопросов: хо – хорошо? пухо – плохо? путунда – не понимаешь? шима – что? А далее – в форме утверждения, заверения: машинка нету – никакого мошенничества нет (с моей стороны), всё честно!

21. *Жил за печкой таракан...* – В фельетоне «Тараканья скорбь» на амурском материале Чудаков пародийно обыгрывает один из эпизодов романа Достоевского «Бесы» (1871–1872), в котором «басню» о таракане собственного сочинения читает пошляк и графоман капитан Лебядкин: «Жил на свете таракан, Таракан от детства, И потом попал в стакан, Полный мухоедства... / Место занял таракан, / Мухи возроптали, / “Полон очень наш стакан”, – / К Юпитеру закричали. / Но пока у них шёл крик, / Подошёл Никифор, / Благо-роднейший старик...

– Тут у меня ещё не dokonчено, но всё равно, словами! – трещал капитан. – Никифор берёт стакан и, несмотря на крик, выплёскивает в лохань всю комедию, и мух и таракана, что давно надо было сделать. Но заметьте, заметьте, сударыня, таракан не ропщет!.. Что же касается до Никифора, то он изображает природу...» В гротескной «басне» Лебядкина Достоевский, в свою очередь, пародирует «Фантастическую высказку» (1834) И.П. Мятлева, начинающуюся и заканчивающуюся словами: «Таракан / Как в стакан / Попадёт – / Пропадёт; / На стекло, / Тяжело, / Не всползёт».

Под «тараканом» Чудаков подразумевает благополучного, сытого и совершенно аполитичного обывателя, которому нет дела ни до чего, кроме собственного «брюха».

22. *Как амурский молокан...* – Молокане – члены возникшей в России во второй половине XVIII в. секты духовных христиан, ассоциировавших Библию с образом духовного молока (отсюда название), отвергавших священников и церкви, совершавших моления в обычных домах. На Амур молокан выслали во второй половине XIX века. В Благовещенске рубежа XIX–XX веков существовала многочисленная и весьма влиятельная община молокан. Купцы-молокане занимали доминирующее положение в мукомольном производстве и торговле мукой, в судоходстве, золотодобыче и т.д. Значительную роль молокане играли и в общественной, политической жизни города.